

“В последнее время я был занят похоронами твоей матери и, возможно, непреднамеренно проглядел тебя. Я прикажу вызвать врача, чтобы осмотреть рану у тебя на лбу. Нам не нужны никакие шрамы.”

Цзо Шаоцин впервые услышал такую нежность в голосе Цзо Юньвэнь. Мягкость поразила его, но его первоначальное удивление быстро превратилось в леденящее ощущение в его сердце.

Что этот человек имеет в виду, говоря “был занят ее похоронами”? В этом особняке, кроме слуг, которых привела моя мать, кто еще искренне оплакивал ее? Они даже провели ее первые семь ритуалов в уединенном дворике на западе.

И, как только похоронные обряды были завершены, госпожа Сюэ быстро переименовала этот двор в “Проклятый двор усопших”. Она даже не позволила Цзо Шаоцину забрать что-либо из личных вещей госпожи Жуань.

Ему нужно было воспользоваться возможностью, чтобы вернуть вещи своей матери.

Не обращая внимания на сильно задумавшегося сына, Цзо Юньвэнь нежно коснулся хрупкого плеча Цзо Шаоцина, предлагая: “Давай пойдем внутрь. Здесь прохладно”.

Ведомый Цзо Юньвэнем, Цзо Шаоцин грациозно вошел в главную резиденцию. Осматриваясь, он заметил горничных в комнате, окутанной восхитительным ароматом. Госпожа Сюэ сидела в напряженной позе, ее лицо было стоическим и отчужденным.

В действительности, их семья происходила из рода императорского наставника второго ранга. Они были когда-то аристократами, когда-то известными по всей столице.

После кончины бывшего императора наследный принц, которого поддерживал Наставник Цзо, не вступил на трон. Вместо этого к власти пришел печально известный третий принц, в результате чего семья Цзо потеряла свой уважаемый статус среди элиты императорского двора.

Новый правитель воздержался от казни Наставника Цзо и Ли Мана из благоразумия, вместо этого решив выдвинуть против них необоснованные обвинения, и изгнать их из столицы.

Не имея выбора, Наставник Цзо вернулся на родину со своей семьей. К сожалению, путешествие тяжело сказалось на его и без того стареющем сердце, что привело к его кончине в пути.

К счастью, старая госпожа была довольно находчивой, и господин Цзо обладал значительным влиянием, поэтому семья заняла достойное место в родном округе.

Но резкое изменение состояния семьи Цзо было совершенно неприемлемо для жены господина Цзо. Госпожа Сюэ считала, что изначально вступив в процветающую семью, она оказалась обреченной на неизвестную жизнь в городе Юси, сродни простолюдинке, последовавшей за мастером Цзо.

Если бы у них была взаимная привязанность, обстоятельства жизни могли бы быть терпимыми. Однако мастер Цзо, отдавая предпочтение нежным, скромным женщинам, проявлял мало интереса к госпоже Сюэ благородного происхождения, и держал нескольких наложниц.

Цзо Юньвэнь, привыкший к строгому виду госпожи Сюэ, уселся во главе стола, пренебрежительным жестом отказавшись от чая, предложенного служанкой, и спросил:

“Сразу после ухода Жуань ты подвергла Шаоцина подобным испытаниям. Неужели в тебе нет и следа ожидаемого женского сострадания и великодушия?”

Обитатели комнаты, включая Цзо Шаоцина, были ошеломлены. Это был первый случай, когда Цзо Юньвэнь столкнулся с госпожой Сюэ напрямую. Напряжение, до сих пор остававшееся незамеченным, из-за его обычного нежелания оскорблять госпожу Сюэ, повисло в комнате.

Отец госпожи Сюэ сохранил свой статус префекта провинции Юэ; следовательно, несмотря на ее пониженный ранг, она продолжала обладать значительным влиянием, намного превосходя любого члена семьи Цзо.

Потенциальное восстановление известности семьи Цзо неизбежно потребовало бы поддержки клана Сюэ на различных этапах.

Сжимая в руках носовой платок, госпожа Сюэ поднялась, обвиняюще указывая пальцем на Цзо Юньвэнь, ее голос дрожал от негодования: “Годы беззаветной преданности вашей семье Цзо, выполнение домашних обязанностей, даже согласие с вашими предпочтениями.... Согласие с вашими наложницами..., и теперь вы упрекаете меня из-за простого ребенка!”

Цзо Шаоцин почувствовал надвигающуюся бурю. Непокколебимое господство госпожи Сюэ в семье было неоспоримым; любой конфликт, несомненно, завершился бы неблагоприятно для него, тем более что у него не было веских оснований для опоздания.

Он встал и низко поклонился, горячо сказав: “Отец, упрек Матери уместен. Я, как твой сын, уже признал свою ошибку и попросил прощения. Упорство в осуждении Матери только усилило бы мое смущение, ещё раз простите.”

Не стоит быть чрезмерно внимательным к нему. Он не ожидает никаких изменений в отношении к нему со стороны своего отца. Было бы предпочтительнее, если бы тот воздержался от принятия стороны госпожи Сюэ и создания осложнений.

Цзо Юньвэнь, высказавшись, почувствовал укол раскаяния. Услышав, что Цзо Шаоцин признал свою ошибку, он смягчил свою позицию и заметил: “Кхм, я также был свидетелем того, как этот ребенок стоял на коленях перед дверью в такую холодную погоду, его лоб был поврежден. Просто жаль, что его мать недавно скончалась.”

“Хм!” Госпожа Сюэ, чувствуя, что ее сердце пронзили бесчисленные иглы, возразила: “Господин, вы сочувствуете его покойной матери?” Она затаила глубокую обиду на покойную господу Жуань, которая даже не могла упокоиться с миром.

Поняв, что у него больше нет здесь дел, Цзо Шаоцин попросил разрешения удалиться. Дальнейшее его пребывание могло привести к горячей перепалке.

Когда он сделал пару шагов прочь со двора, голос сзади окликнул его: “Третий брат, пожалуйста, остановись!”

Цзо Шаоцин пошатнулся, его взгляд стал ледяным, как будто он мог заморозить все вокруг. Только когда чья-то рука коснулась его плеча, он обернулся с безобидным выражением лица.

Подавляя глубокую ненависть внутри себя, Цзо Шаоцин спокойно спросил: “Брат чем-то озабочен?”

Цзо Шаоян достал фарфоровый флакон и бросил его Цзо Шаоцину, сказав: “Это лучшее

средство. примени его, когда вернешься. Сегодня нет необходимости посещать академию. Я распоряжусь, учителей предупредят, что ты отдыхаешь.”

Дыхание Цзо Шаоцина слегка дрожало, а глаза горели решимостью. Цзо Шаоян, его старший брат, всегда умел заставить всех поверить, что он искренне добр. К сожалению, это был всего лишь фасад. Всякий раз, когда появлялась возможность, он использовал эту хитрость.

В его предыдущей жизни была та же история — он тогда по глупости потащился за ним в особняк Цзяна. Цзо Шаоцин верил, что старший брат присматривает за ним, что он просто взял его с собой на прогулку, но он мало что знал...

подавляя свой кипящий гнев, Цзо Шаоцин почтительно сложил руки и сказал: “Спасибо тебе, Старший брат”.

Добравшись до своего двора, Цзо Шаоцин с силой распахнул дверь и рухнул на кровать. Его грудь сильно вздымалась, а лицо покраснело.

Сжимая девственно-белую фарфоровую бутылочку, он прошептал про себя: “Главное - терпение. Постепенно я заставлю всех, кто причинил мне зло, ответить за это”.

В своей предыдущей жизни он убил их, но по этому пути он больше никогда не пойдет. Вместо этого он подорвет их решимость, отнимет то, чем они дорожили больше всего на свете, и подвергнет их унижению, такому же, какое он когда-то испытал по их милости.

<http://bllate.org/book/13556/1203213>